

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 48 (4173)

Пятница, 22 апреля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

В ГЛУБЬ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

«ИСКУССТВО принадлежит народу». Эти ленинские слова определяют общественное предназначение, содержание и форму передового искусства.

С первых шагов молодой советской литературы Ленин ориентировал ее на путь правды, на путь проникательного наблюдения, осмысления и художественного воплощения действительности в ее революционном развитии. Третья от писателей прежде всего правды, Ленин направил их в глубь народной жизни. По его мысли, в глубинах народной жизни художник должен был черпать не только темы, материал, проблемы, но и вдохновение, пафос творчества.

В 1918 году Ленин писал в «Правде»: «Поблизе к жизни. Побольше внимания к тому, как рабочая и крестьянская масса на деле строит нечто новое в своей будничной работе». Адресуя эту мысль ко всем работникам печати, Ленин отмечал ее насущность и для писателей.

Чрезвычайно интересен разговор Ленина с М. Горьким в 1919 году о развитии революционного искусства, разговор, о котором вспоминает В. И. Качалов: «Большой вечер в Колонном зале Дома союзов. В артистической комнате оживление: Владимир Ильич Ленин с Горьким, Алексей Максимович поворачивается ко мне и говорит:

«— Вот спорю с Владимиром Ильичем по поводу новой театральной публики. Что новая театральная публика не хуже старых театралов, что она внимательнее — в этом спора нет. Но что ей нужно? Я говорю, что ей нужна только героика. А вот Владимир Ильич утверждает, что нужна и лирика, нужен Чехов, нужна житейская правда».

Советская литература тех лет подчас односторонне воспроизводила революционную действительность. Нередко жизнь в произведениях литературы тех лет теряла конкретные черты, изображалась вне исторических процессов и изменений.

Ленин проникательно противопоставил отвлеченной космической риторике некоторых писателей прозаическую, правдиво передающую черты могучего революционного преобразования страны, подлинную правду реального бытия советского народа.

ЛЕНИН учил писателей подмечать, художественно обобщать и утверждать новые, прогрессивные явления действительности. Не раз говорил он о значении положительного примера, призывал бережно поддерживать ростки нового, развивающегося. Испытывая широкого смысла его советы М. Горькому наблюдать новую жизнь стра-

ны — «наблюдать вблизи, где можно обозреть работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне».

Ленинские мысли о силе положительного примера стали одним из краеугольных камней эстетики социалистического реализма.

Советская литература ведет борьбу за человека, за его будущее. Она стремится в героических образах раскрыть всему миру духовную красоту трудовых людей, она утверждает веру человека в свои силы.

ПАРТИЙНОСТЬ и народность в искусстве социалистического реализма неразделимы.

Было бы антиисторическим упрощением видеть народность искусства лишь во внешних, тематических признаках. Нет, определяющим является точка зрения художника на действительность, на важные вопросы общественного бытия, которые объективно отражают правду, опыт, настроения и стремления народных масс. Главное — способность художника видеть жизнь глазами народа, глазами передовых кругов общества и с высоких идейных позиций осмысливать и оценивать различные явления действительности.

Определение партийности как высшей формы народности имеет еще одну существенную грань, отмеченную в выступлении Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 29 июня 1959 года. Принцип партийности состоит в том, что литература является выражением огромного народного опыта, коллективного разума миллионов. Не случайно этот важный вопрос художественного творчества Н. С. Хрущев затронул в речи, посвященной всей общественной деятельности советского народа. Партийное руководство он определил как «волю миллионов людей, волю миллионов умов, коллективный разум миллионов».

Принцип партийности литературы — наиболее полное выражение наиболее полного слияния искусства с действительностью, сознанием и идеями народа. Именно это дает искусству неизмеримые силы, дыхание подлинной жизни, высокохудожественное выражение нашей эпохи.

Сейчас, когда народные массы вышли на арену сознательного исторического творчества, искусство и литература в полной мере определяются разумом, волей и стремлениями миллионов масс. Это создало прочные исторические предпосылки для слияния партийности и народности.

В НАШЕ время уже стали программными знаменитые ленинские слова о народности искусства: «Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс... Оно должно объединять чувства, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

Надо, чтобы искусство было понятным и близким народным массам. Утверждая эту мысль, Ленин считал недопустимым и вредным снижение требований к литературе. Напротив, задача в том, чтобы поднять политический и культурный уровень народа до такой степени, чтобы ему были доступны все богатства мировой культуры. Не опускаться до неразвитого читателя, не поощрять его отсталость, а терпеливо и требовательно поднимать его общее художественное развитие, — таков путь, указанный Лениным литераторам.

Касаясь этого вопроса, Ленин пишет: «...не следует смущаться, если это произведение по прочтении не будет понято сразу. Этого никогда почти не бывает ни с одним человеком. Но, возвращаясь к нему впоследствии, когда интерес пробудится, вы добьетесь того, что будете понимать его в преобладающей части, если не все целиком».

Ленин решительно протестовал против подмены подлинного искусства тусклым беллетристическим суррогатом. «Наши рабочие и крестьяне...» — утверждал Ленин, — получили право на настоящее великое искусство».

О художественной требовательности Ленина, об определенности его эстетических взглядов свидетельствует его отзыв о книге В. Зазубрина «Два мира». Ленин чрезвычайно внимательно относился к первым талантливым, полным жизненной правды произведениям молодой советской литературы. — Хорошая, нужная книга, — отзывался о книге В. Зазубрина В. И. Ленин. В отзыве Ленина отмечаются познавательные достоинства книги В. Зазубрина, ее правдивость и полезность. Тем не менее он счел нужным обратить внимание на художественную бесформенность произведения, названного автором «романом». Ленин сказал: эта книга, «конечно, не роман», и тем самым подчеркнул, что жизненное, правдивое содержание еще не нашло образного выражения, соответствующего понятию «роман».

М. Горький вспоминал, что Ленин, высоко оценивая талант автора и агитационное значение работ Демьяна Бедного, считал необходимым отметить, что поэт «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».

Ленинские мысли о настоящем искусстве, которое несет социализм народным массам, — широкая эстетическая программа для писателей. Они свидетельствуют о высоте художественных критериев, на которые должна равняться советская литература, призванная изображать нашу героическую действительность, развивать эстетические вкусы читателя. Подлинный художник — не переизобретатель много раз использованных характеров и сюжетных ситуаций, узко выходящий из рамок, неспособный воссоздать ее простор и глубинные течения. Он и не иллюстратор готовых положений, ремесленнически подгоняющий под них сырой материал.

Для того чтобы быть наравне с веком, наши писатели должны укреплять связь с действительностью, должны ярче и проникательнее раскрывать глубинные процессы народной жизни нашей эпохи. В решении сложных вопросов художественного творчества неопытному помощнику оказывали, оказывают и будут оказывать сокровища житейской ленинской мысли.

Арвид СКАЛБЕ

ГЛАВНАЯ

Ты — улица моя главная,
Море машин вокруг...
И детство, словно из гавани,
Плывет из мажорных рук...

И ты, как в дальнее плавание,
Снаряжая меня,
Вручаешь мне парус из пламени —
Галстук цвета огня...

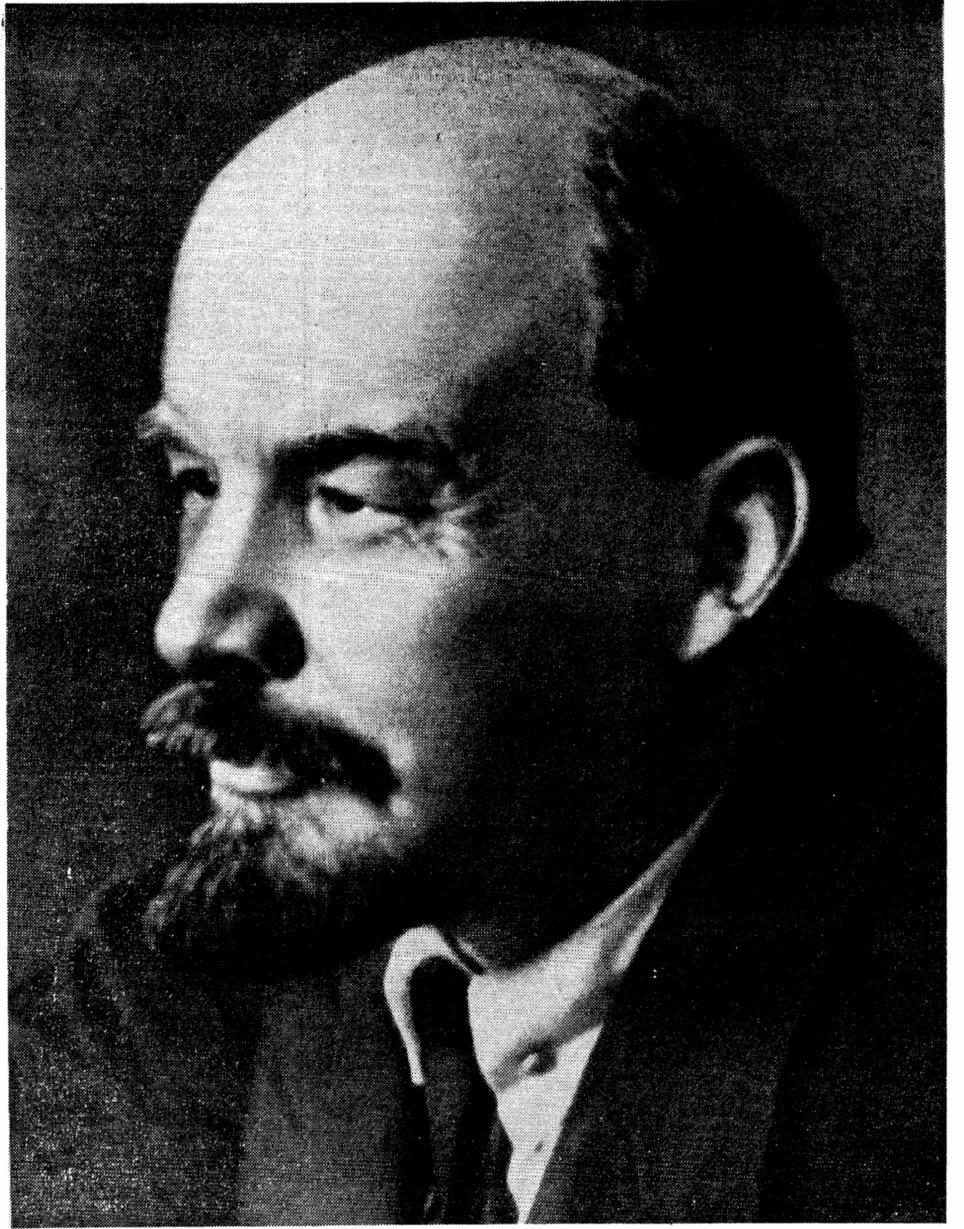
А помнишь, главная улица,
Как дед мой дружил с тобой,
Под пулями не сутулился
На доброй твоей мостовой.

Красногвардейца раненого,
Ты вновь подняла его в бой,
Чтоб эти рассказы раньше
Стали моей судьбой.

Всей жизнью гляжу я в славные,
В святые твои черты.
Ведь ты — это самое главное —
Имени Ленина ты.

Авторизованный перевод с латышского
С. ЛОМИНАДЗЕ

Примечание. Улица Ленина — главная улица Риги. На этой улице перед памятником Ленину происходит торжественный прием в пионеры.

Владимир Ильич Ленин

Наш Ленин

Один из моих друзей, старый рыбак, неоднократно пытался убедить меня, что он видел живого Ленина. В годы первой мировой войны мой знакомый служил в Финляндии, и в их часть якобы приезжал Ленин. Рыбак рассказывал, что Ленин приехал к ним на сером коне, говорил прямо с седла, обещал покончить с буржуазией, дать землю народу. Более того, он, мол, значительно выше ростом, чем выглядит на фотографии. Все мои утверждения, что Ленин был ниже среднего роста, что, насколько мне известно, он никогда не выступал с речью прямо с седла, что это был кто-то другой, до сих пор не дали никаких результатов. И я думаю: зачем отнимать у старого человека легенду, в которую он верит, зачем колебать уважения, которым он пользуется как человек, видевший Ленина. Ведь вопрос не в сером коне или в росте Ленина, а в идеях и мыслях, которые дошли в те бурные годы до эстонских солдат и которые мой знакомый логично связывал с именем Ленина.

Люди моего года рождения не видели живого Ленина, и они даже не могут создать легенду об этом. Мы не видели, как он поднимался на трибуну и говорил о трудностях, стоявших перед молодой революционной Россией, и о том, каким станет завтра первое в мире государство рабочих и крестьян.

На двадцать лет позднее дошел до нас его голос со старых граммофонных пластинок, потому что буржуазия, ее пролагандистский аппарат, правительство буржуазной Эстонии не перед кем не чувствовали такого истерического страха, как перед Лениным, никого они не опутывали таким плотным облаком лжи, как его.

Но сейчас Владимир Ильич в нашей приморской республике, как живой с живыми, с нашими рабочими, колхозниками, с нашей старой и новой интеллигенцией, и нет в мире силы, которая могла бы погасить или затуманить образ гиганта, ясность его учения, океанский простор и чистоту его мысли. Он вошел в каждую комнату, как в свой дом, — наш Ленин.

Юхан СМУУЛ

ТАЛЛИН

Огненные слова

Немецкий поэт коммунист Куба, веселый революционный гигант, в широко распахнутом кожаном пальто, стоял на площадке доменной печи и, заслонясь ладонью, глядел неотрывно на сверкающий поток расплавленного чугуна, хлынувшего из летки. Вед печь горновой Гюнтер Прильвиц, ловкий плечистый парень в орензовой куртке. Все шло хорошо, и горновой, подойдя к нам, войлочной шляпой отер потное, возбужденное от работы лицо. Поэт широким жестом «антоновать» берущую реку металла, горнового с его подурчными и сказал, радостно улыбаясь:

— Цукунфт! Будущее! Наше будущее...
Поэт был прав: все здесь обращено в грядущее. И эти доменные печи, и весь город, новый, социалистический город, рельефно рисуют демократическую Германию, устремленную в будущее.

Горновой, обратись к нам, сказал, что хотел бы послать своим советским друзьям в Криворожье образец чугуна. На куске остывшего металла горновой острым ножом начертал герб Германской Демократической Республики: циркуль и молот. Символ новой Германии!

Вернувшись домой и приводя в порядок свои записки о поездке в ГДР, я вспомнил ночь на площадке доменной печи, озаренной жаром пламенеющего металла, слова поэта о будущем и циркуль и молот, вырезанные горновым на куске чугуна...

Государственная печать республики. Есть у Ленина письмо с отписком советской государственной печати. Шел июль 1918 года. День 26-й. Владимир Ильич пишет Кларе Цеткин письмо, которое нельзя читать без глубокого волнения.

Ленина радует, что Цеткин и Меринг окончили. Начало см. «Литературную газету» от 14, 16, 19 апреля.

ЧИТАЯ ЛЕНИНА...

Борис ГАЛИН

и другие «товарищи спартаковцы» в Германии «головой и сердцем с нами».

В самой сжатой форме он развертывает перед немецкими товарищами картины борьбы в Советской России: «Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — бедnota за нас, кулаки яростно против нас. Антанга купила чехо-словаков, бушует контр-революционное восстание, все буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас сбросить. Тем не менее, мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 г.г.) хода революции и победим буржуазию».

«Кажется, уже можно отправлять письмо. Передан особый привет Кларе от Надежды Константиновны, послан наилучший привет всем, всем друзьям. Но в эту минуту на стол Ленину кладут государственную печать республики».

Владимир Ильич в постскрипуме быстро набрасывает:

«Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

И для наглядности здесь же, на письме, Ленин делает четкий отпечаток государственной печати первой в мире Советской Республики.

Как он ждал радостных вестей с Запада, с Востока и как он обрадовался, когда в ноябре восемнадцатого там, в Германии, запыхало...

10 ноября воскресный номер «Правды» вышел с крупно напечатанными на первой странице словами: «Корона Вильгельма упала в грязь. Это — четвертая по счету!».

Об одном эпизоде, связанном с первыми радиограммами о германской революции, переключенными нашей радиостанцией, мы читаем в воспоминаниях старого коммуниста А. М. Николаева. Он тотчас позвонил Владимиру Ильичу и сообщил ему эту волнующую радиовесть, затем, приехав в Кремль, он соединил Ленина с нашей радиостанцией.

«Никогда не забуду этих 20 минут, — пишет Николаев. — Владимир Ильич на маленьком столике записывает огненные слова о первых революционных победах германского пролетариата. В одной руке у него карандаш, в другой — телефонная трубка. Он — весь напряжение, вскрикивает на меня сияющие глаза, повторяет вслух наиболее интересные места радиогрэммы, чтобы и я слышал. Подает реплику: «За ними пойдут другие». Лицо Владимира Ильича отражало все его переживания: смелую уверенность, радость, восторг...»

И теперь, глядя на карту мира, советские люди с великой гордостью за наш народ и партию думают: сбылись, сбылись пророческие слова Ильича! За нами, за первой Советской Республикой, пошли другие... О, если бы Ленин все это видел!

СОБРАНИЕ ЛИТЕРАТОРОВ МОСКВЫ

19 апреля состоялось торжественное собрание московских писателей, посвященное 90-летию со дня рождения В. И. Ленина. Открыл собрание В. Ситин.

«Слово о Ленине» прозвучало у Алексея Суркова. С воспоминаниями о Владимире Ильиче выступили старые большевики В. А. Смольянинов и Ф. И. Петров.

Затем на трибуну поднялись поэты. Николай Тихонов прочитал новые стихи, посвященные Ленину. Свои произведения читали также С. Щипачев и Г. Самойлов.

На вечере были показаны два документальных фильма: «Живой Ленин» и «Рюконики В. И. Ленина».

В этот же день в ЦДЛ открылась выставка работ народного художника РСФСР И. Жукова, посвященная Владимиру Ильичу. На открытии выставки с короткими речами выступили В. Захарченко, Б. Полевой, И. Рахило и В. Ситин.

Алексей БАДАЕВ ЛЕНИН ЖИВЕТ

Старый мир потонул,
Когда широко и уверенно
Мы шагнули на площадь
Под выстрелы юнкеров.
С того первого шага
Мы все время учились
У Ленина

За народное дело
Не жалеть свои жизни
И кровь.
Он нас учит сейчас
Пониманию самого
главного —

И звонко звучит голос
За мир поднимает страна,
Поднимает бригаду свою
Валентина Гаганова.
В человеческий рост
Поднимает хлеба целина!

Там, где трудно, —
Ильич.
С ним —
За каждое дело нам
браться.

Он идет по земле.
Он с тобой на дороге
люблю.
В Антарктиде, в пустыне,
В далеком Бхилае и в
Братске —

Он с тобой, современный
Завтра, правник,
Он будет с тобой!

Перевел с бурятского
О. Дмитриев и Евг. Храмов

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

М. А. Шолохов

М. Ф. Рыльский

М. Турсун-заде

С. Ф. Бондарчук

Р. Л. Кармен

Д. Ф. Ойстрах

Г. В. Свиридов

Тема «Домика в Шушенском» пришла ко мне не сразу...

Под ногой у меня скрипнула половица. И сразу представилось, как Ильич рассказывает...

Из Шушенского я уехал полный дум о Ленине, о России, о нашем времени...

...Село Шушенское. Ленин работает в своем кабинете. За окном шумит сибирская метель...

...В Приуралье в занесенной снегами деревне родился мальчик. Ночь. Ветуху избу трясет ветер...

...Ленин пишет книгу о России, о ее путях. Глухое сибирское село, но здесь — центр мира...

...Ленин накате. С ним ребяташки со всего Шушенского; но с ним не только ребяташки Шушенского...

...Дети всей России — это сила, воля, Ленин. И те, кто в пеленках, — это будущие чапаевцы и буденновцы...

...Они помогают Ленину рассчитывать, как он будет помогать и переделывать Россию...

Делая эти записки, я, однако, все еще не решился брать за поэму. Уж слишком ответственна тема...

Опять погода завернула круто. Над Шушенским ни месяца, ни звезд. Из края в край метелями продуло...

Еще не в светлых комнатах Истпарта, где галатея в памяти перебирает, А только обозначенным на картах...

На другой день я написал еще несколько строк, и у меня появилась уверенность, что поэма будет...

Работая над ней, я опирался не только на непосредственные впечатления от Шушенского...

Хотя поэма и выдержала немало изданий и переведена на многие языки и меняя в ней что-либо уже поздно...

Возвращаясь я из Тувы с целым обозом машин, полных подарков для Красной Армии...

И вот Шушенское. Заваленные сугробами пятистенки, укутанные снегом тесовые крыши...

Оглушены моря и суши Неумоляющей войной. Лишь правда Ленина осушит От слез и крови шар земной.

Мариэтта ШАГИНЯН

(Эскиз к роману)

Ильич вышел на историческую сцену еще совсем молодым человеком. Но этот молодой человек, почти юноша...

Но людей, рождающихся готовыми, нет. И самая трудная, самая интересная работа для романиста — это разгадка того, как формировался характер Ильича...

Литературная Газета 22 апреля 1960 г. № 49

«ИССЛЕДОВАТЬ, изучить, отыскать, угадать, схватить... Эти слова невольно воспринимались как программа работы литератора...

Должен признаться: иногда меня тянет взяться за большую статью, которую я хотел бы озаглавить: «Ленин как литератор»...

Профессия: «литератор» — такую строку мы найдем в нескольких анкетах, которые заполнил Владимир Ильич. Его прекрасной профессиональной чертой была любовь к гибкому, богатому родному языку...

Присмотримся, прислушаемся к языку самого Ленина. Возьмем наудачу один-два примера. В России «власть отдал буржуазии по темноте, костности, по привычке терпеть палку по традиции» (апрель, 1917 г.)...

«...а вы кто? Аполонеты парламентской обструкции, того, что называлось раньше клеузицизмом» (ноябрь, 1917 г.)...

Ленин-литератор (его не отличить от Ленина-оратора) любил этот прием: прояснить, приблизить иностранное слово посредством соседствующего русского или, чаще, целого ряда русских. «Рутинка», — пишет он и тут же, через запятую, добавляет: «за-скурозлость». Или в другом месте: «Это довод рутинный, довод спячки, довод костности»...

И еще одна черта, как мы уже мельком отметили, в высшей степени характерна для стиля Ленина: его фраза пронаиза, заряжена энергией. Пользуясь своим излюбленным приемом, употребляет одно за другим близкие по смыслу слова...

Обратим внимание и на диалектический поворот фразы. Это тоже характернейшая черта ленинского стиля. Слово Ленина доводит до отчетливости, до нужной резкости противоречия, парадоксы жизни, которые Ильич умел замечать, открывать, как никто...

Стремление к правде, то есть к глубокому объективному познанию, «пониманию жизни», и стремление к действию неразрывно связаны у Ленина. Он не устал повторять, разъяснять требования. «которое предьявляет марксизм всякой серьезной политике, именно: чтобы в основе ее лежали, за основу ее брались факты, допускающие точную объективную проверку»...

Этот случай из детства Ленина очень показателен не только для ребенка, но и для юноши Ильича. Многие из того, что кажется в юности Ленина мгновенным, непроизвольным и случайным, на самом деле тоже выход наружу очень большого, иногда очень давнего, но оставшегося незамеченным для окружающих переживания.

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

горелось, дойдя до описания студента Ульянова, о котором так и сказано в протоколе, что он буйствовал, стремительно мчался, размахивая руками и был красен лицом. Внезапное иступление обычно спокойного и сдержанного юноши было, значит, настолько велико и до того бросалось в глаза, что даже полицейские перо не смогли этого не запечатлеть необычным для себя языком. Но революционная вспышка не была в молодом Ильиче случайной и внезапной, вызванной общим волнением студенчества. Корни ее лежат глубоко, и подготавливала она задолго, так что не с казанской истории Владимир Ильич стал революционером, а казанская история только дала исход накопившемуся в нем душевному протесту. Как же и по какому поводу копился этот протест, что пережил и передумал мальчик Володя Ульянов, предоставленный самому себе как раз в самые важные для него годы, когда его высокий голос перебивался низкими мужскими нотами, а коренящая детская фигура становилась юношески сильной и крепкой?

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

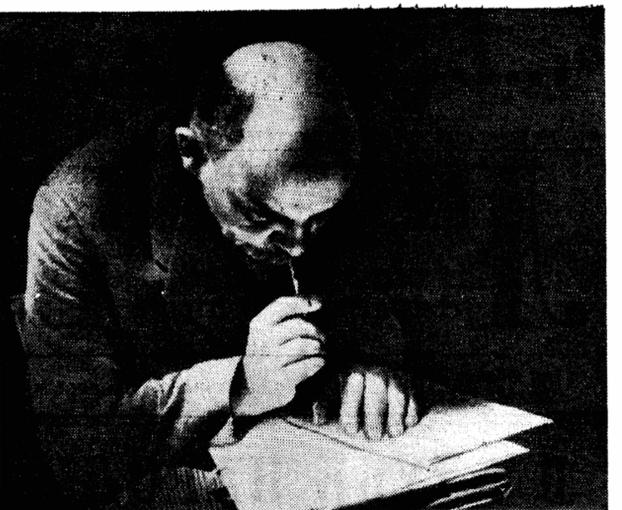
Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В декабре 1885 года Илья Николаевич Ульянов объезжал Сырзакский уезд. Но это был уже не прежний словоохотливый Илья Николаевич, — и учителя заметили в нем что-то подавленное, и сам он был словно нездоров, злился в своем зимнем кожухе, кутал горло в шарф, говорил с хрипотцой. Дочь Анна, ехавшая на рождественские каникулы домой из Петербурга, встретила его в пути и сдвинула отца, до того он изменился. Анна Ильичична и сама, как она говорила про себя, «психовала» весь этот год, как и любимый брат, Александр, обращает на нее в Петербурге меньше внимания, чем раньше, мальши, по которым она всегда тосковала, реже ее вспоминают, мать называет ее через силу по козынству, и в таком мрачном настроении дочка с отцом ехала под одной пологом поволоки кибитки, по заснеженной стодобовой дороге, скрипящей от крепкого мороза, в унылые декабрьские сумерки. Отец необычно для него говорил с ней о своих делах горько, даже, как ей показалось, безнадёжным тоном, ругнул под ильичий бубенец, бездарную политику правительства, закрывавшего земские школы. Про старшего сына он не спрашивал, а она не догадывалась, что отец знает про Александра больше, чем знала она сама. И ей, и ему казалось, что под пологом они везут только свое, личное настроение, свои неважные домашние дела, свою частную судьбу семьи Ульяновых, — но с ними ехала и завывала в ветре, мелькала в скудных придорожных хатенках, свистела в ильичийском мундире, горбились в согнутой спине ямщика судьба всего русского общества этой поры «безвременья», то есть самой тяжелой, мрачной и как будто не имевшей просвета реакционной поры восьмидесятых годов. Все лучшее в судьбе поколений было как будто уже пережито и лежало позади, а идти, казалось, некуда и лучшего ждуть не от чего. Не было и прежнего знакомого поредели волнует, давно нет старшего друга семьи Арсения Федоровича Белокрысенко, крестного отца Володи. Нет доктора Кадьяна, когда-то сосланного в Симбирск

Есть картина, изображающая университетскую ссодку в Казани. Тридцать пять лет до этой ссодки в Казанском университете кончал учебу отец Ленина, и в те времена и «дух» в университете, и преподавание, и быт студентов были куда волевые, шире и свободнее. А в конце 1887 года, когда истек последний осенний семестр учебы Ильича на юридическом факультете, уже действовал новый университетский устав, оскорбительный для студентов; были приставлены к молодежи своего рода «надсмотрщики» — педагог; установлен мундир с высоким воротничком, и от студента требовалось носить его аккуратно и «на все пуговицы»...

В. И. Ленин на заседании III конгресса Коминтерна. Москва, июль—июль 1921 года.

Слово Ильича

меленный мир на аннексионистских (потеря всех занятых областей) и экономически крайне трудных для России условиях, или за крайнее напряже-

ние сил для революционной войны, т. е. за отпор немцам? Вопрос ясен и прям, его не называет наводчиком. Ясно и цель анкеты — узнать фактическое положение, подойти к истине.

Поэтому то, опираясь на факты, зная и понимая действительность, Ленин мог с чистой совестью, с неколебимой уверенностью утверждать в те дни: «Кто не хочет себя убоянчивать словами, декларациями, восклицаниями, тот не может не видеть, что «лозунг» революционной войны в феврале 1918 года есть пустейшая фраза, за которой ничего реального, объективного нет. Чувство, пожелание, обоготвление, возмущение — вот единственное содержание этого лозунга в данный момент».

Неузнаваемо изменилась наша страна, родина социалистической революции, за те десятилетия, что мы живем в Ленин. В год его смерти тяжелейшая индустрия, ранее повсюду замороженная, замершая, едва-едва стала подниматься из разрухи. Но кто может сказать, что в наших победах, о которых ныне знают в каждом уголке земли, не содержится разум и страсть Ленина? Несомненно, этот немеркнущий дух Ленина содержится и в нашей литературе. Однако не только дух. Думается, я не впаду в преувеличение, утверждая, что мы, литераторы того творческого метода, который ловился социалистическим реализмом, усвоили — отчасти сознательно, отчасти еще неосознано — многое из опыта, правил, традиций Ленина-писателя. Жаль, что в дискуссиях о методе социалистического реализма путь, опыт Ленина-публициста остается за пределами исследования и споров.

Разумеется, говоря об опыте Ленина-литератора, мы должны избегать всякой натяжки. Разумеется, следует ясно понимать различие между публицистом и художником, различие даже в способах, приемах наблюдения, изучения жизни. И все же в самых крупных, определяющих чертах метод остается единым. Возможно, мне в какой-то мере удалось показать это и в настоящей заметке.

Позволю себе закончить ее теми же словами, которыми она начала, девизом литератора: «исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить...»

Александр БЕК

волюнтер»». И, обращаясь к опыту России, продолжал: «В России, где суеверно дикой и свирепый гнет порождает революционных разных толков, революционеры удивительной преданности, энтузиазма, героизма, силы воли, в России эту ошибку революционеры мы особенно близко наблюдали, особенно внимательно изучали, особенно хорошо знаем...».

Думается, каждый из нас, литераторов, — и публицист, и художник, — близко знаком по личному опыту с подобной ошибкой, которая отчасти объясняется и естественной трудностью проникновения в характер времени, трудностью открытия истины.

Как же Ленин избегал этой ошибки? Разумеется, схватывание истины — это его гений. Не напрасно он сам, рассуждая о познании, постижении жизни, употребляет и слово «угадать». Однако он отнюдь не полагался лишь на эту способность угадывания, на интуицию, озарение, талант. Он систематически разнообразными способами изучал и изучал жизнь, собирал факты, устанавливал истину, доступную объективной, то есть независимой от чьих-либо желаний, проверке. Ежедневная пресса, специальная литература, статистические сборники — все это анализирует, препарирует наметанный глаз Ленина, из всего этого как бы извлекается экстракт действительности. Ленин изучал и наказы крестьянским депутатам, и речи, письма, резолюции рабочих и солдат. Жадный к живой жизни, он встречался, беседовал с самыми разными людьми, познавал этим путем реальную историю. «Вот та реальная история один

О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся работы в области науки и техники

Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники постановил:

1.

Присудить Ленинские премии 1960 года за наиболее выдающиеся работы в области науки:

1. Вернону Сергею Николаевичу, члену-корреспонденту Академии наук СССР, Чуланову Александру Евгеньевичу, доктору физико-математических наук, сотрудникам Физического института имени П. Н. Лебедева Академии наук СССР, Пушикову Николаю Васильевичу, директору Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн Академии наук СССР, Долгину Шмагу Шлемовичу, начальнику магнитной лаборатории того же института, — за открытие и исследование внешнего радиационного пояса Земли и исследование магнитного поля Земли и Луны.

2. Лейтуниску Александру Ильичу, академику Академии наук Украинской ССР, Казачковскому Олегу Дмитриевичу, доктору физико-математических наук, Бондаренко Игорю Ильичу, доктору физико-математических наук, Усачеву Льву Николаевичу, кандидату физико-математических наук, научным сотрудникам физического института Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР, — за научные исследования физики ядерных реакторов на быстрых нейтронах.

3. Фоку Владимиру Александровичу, академику, — за исследования по квантовой теории поля, изложенные в монографии «Работы по квантовой теории поля», опубликованной в 1957 г.

4. Четаеву Николаю Гурьевичу — за работы по устойчивости движения и аналитической механике, опубликованные в 1952—58 гг.

5. Крисеву Анатолию Евсеевичу, доктору биологических наук, — за научный труд «Морская микробиология. (Глубоководная)», опубликованный в 1959 году.

6. Вишневному Александру Александровичу, Куприянову Петру Андреевичу, Мещанину Евгению Николаевичу, Петровскому Борису Васильевичу, докторам медицинских наук, — за разработку новых операций на сердце и крупных кровеносных сосудах.

7. Пономареву Сергею Дмитриевичу, профессору, Бидерману Вадиму Львовичу, доценту, Лихареву Константину Константиновичу, доценту, Малинину Николаю Николаевичу, профессору, Федосееву Всеволоду Ивановичу, профессору, преподавателям московского Высшего Технического училища имени Н. Э. Баумана, Макушину Владимиру Михайловичу, доценту, преподавателю Московского политехнического института, — за научный труд «Расчеты на прочность в машиностроении», опубликованный в трех томах в 1956—59 гг.

8. Цыпину Янову Замановичу, доктору технических наук, — за работы по теории импульсных и релейных автоматических систем, изложенные в монографиях «Переходные и установившиеся процессы в импульсных цепях», «Теория релейных систем автоматического регулирования», «Теория импульсных систем», опубликованных в 1951—58 гг.

II.

Присудить Ленинские премии 1960 года за наиболее выдающиеся работы в области техники:

1. Фейнбергу Савелию Моисеевичу, начальнику теоретического сектора института атомной энергии имени И. В. Курчатова Академии наук СССР, Гончарову Владимиру Владимировичу, Столярову Георгию Алексеевичу, Зубареву Тарасу Николаевичу, науч-

ным сотрудникам того же института, Христенко Петру Ивановичу, главному инженеру сектора института теоретической и экспериментальной физики Академии наук СССР, Козлову Валентину Федоровичу, Любимцеву Олегу Ивановичу, сотрудникам научно-исследовательского института, — за создание комплекса исследовательских водородных реакторов ВВР-2, ВВР-С и ИРТ.

2. Ильющину Сергею Владимировичу, Генеральному конструктору Государственного Комитета Совета Министров СССР по авиационной технике, руководителю работ, Ивиченко Александру Георгиевичу, главному конструктору Государственного Комитета Совета Министров СССР по авиационной технике, Иониняки Владимиру Константиновичу, летчику-испытателю, Борозу Валерию Афанасьевичу, Германову Виктору Михайловичу, Зленко Алесию Николаевичу, Левину Анатолию Яковлевичу, Лотареву Владимиру Алексеевичу, Пантелеву Анатолию Константиновичу, Саннову Евгению Ивановичу, Семенову Виктору Николаевичу, Шведченко Алесию Илларионовичу, ведущим конструкторам, — за разработку и создание пассажирского самолета ИЛ-18.

3. Коробову Илье Ивановичу, директору, Суворову Василию Ивановичу, начальнику доменной лаборатории, работникам Днепропетровского металлургического завода имени Петровского, Некрасову Зоту Ильичу, директору Института черной металлургии Академии наук Украинской ССР, Красавцеву Николаю Ивановичу, старшему научному сотруднику того же института, Орешкину Георгию Григорьевичу, директору, Чечурову Анатолию Николаевичу, начальнику доменного цеха, работникам Днепропетровского металлургического завода имени Дзержинского, Юпоу Льву Дмитриевичу, директору, Таврогу Борису Лазаревичу, начальнику доменного цеха, работникам металлургического завода «Запорожсталь» имени Серго Орджоникидзе, Екитову Ивану Михайловичу, директору, Панову Георгию Алексеевичу, начальнику доменного цеха, работникам Сталинского металлургического завода имени Сталина, — за внедрение природного газа в доменное производство.

4. Улитовскому Алесию Васильевичу, руководителю работ, Аверину Николаю Матвеевичу, старшему инженеру Проектно-конструкторского бюро треста «Севзапмонтажавтоматика» Министерства строительства РСФСР, Красинькову Вениамину Георгиевичу, научному сотруднику научно-исследовательского института, — за разработку метода получения тонких и сверхтонких металлических нитей непосредственно из жидкой фазы.

5. Банирову Абдулхалату Абдулалыповичу, доктору геолого-минералогических наук, Еникееву Петру Николаевичу, главному геологу отдела нефти и газа Министерства геологии и охраны недр СССР, Ильину Сергею Ивановичу, Худряшову Евгению Владимировичу, директору Узбекского филиала Всесоюзного научно-исследовательского института природного газа, Жуковскому Леониду Григорьевичу, главному геологу, Сотиряди Константину Ахилеевичу, главному геологу конторы, Чернову Василию Ивановичу, начальнику партии, работникам треста «Узбекнефтегазразведка», — за открытие и разведку крупнейшего в СССР Газлинского месторождения природного газа.

6. Коломиц Ольге Кирилловне, заведующей отделом селекции сахарной свеклы Белорусской опытно-селекционной станции, Бордонос Марии Григорьевне, старшему научному сотруднику Украинской академии сельскохозяйственных наук, Бузанову Ивану Феофановичу, директору Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной свеклы, Зосимовичу Владимиру Павловичу, старшему научному сотруднику того же института, Монаху Григорию Семеновичу, научному сотруднику, Попову Александру Васильевичу, заведующему отделом селекции сахарной свеклы, работникам Ялтусковского селекционного пункта, — за создание новой формы и выведение сортов сахарной свеклы с односемянными плодами.

В Комитете по Ленинским премиям в области литературы и искусства при Совете Министров Союза ССР

О присуждении Ленинских премий за наиболее выдающиеся достижения в области литературы, журналистики и публицистики и искусства

Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства постановил присудить Ленинские премии 1960 года за наиболее выдающиеся достижения в области литературы, журналистики и публицистики:

В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыльскому Максиму Фадеевичу — за книги стихов «РОЗЫ И ВИНОГРАД» и «ДАЛЕКИЕ НЕБОСКОЛОНЬ».

2. Турсун-заде Мирзо — за книгу стихов и поэм «ГОЛОС АЗИИ» и поэму «ХАСАН-АРБАКШ».

3. Шолохову Михаилу Александровичу — за роман «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА», I и II книги.

В ОБЛАСТИ ЖУРНАЛИСТИКИ И ПУБЛИЦИСТИКИ

1. Аджубею Алесию Ивановичу, Грибачеву Николаю Матвеевичу, Жукову Георгию Александровичу, Ильичеву Леониду Федоровичу, Лебедеву Владимиру Семеновичу, Литвино Евгению Владимировичу, Матвееву Викентию Александровичу, Орлову Вла-

димирову Ивановичу, Сатюнову Павлу Алексеевичу, Трояновскому Олегу Александровичу, Шевченко Андрею Степановичу, Шуйскому Григорию Трофимовичу — за книгу «ЛИЦОМ К ЛИЦУ С АМЕРИКОЙ». Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США.

В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА

1. Бондарчуку Сергею Федоровичу — режиссеру и исполнителю роли Соколова, Монахову Владимиру Васильевичу — оператору — за художественный фильм «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА».

2. Кармену Роману Лазаревичу — режиссеру, Мамедову Джаванширу Муса Оглы — оператору, Мединскому Сергею Евгеньевичу — оператору — за цветные документальные фильмы «ПОВЕСТЬ О НЕФТЯНИКАХ КАСПИЯ» и «ПОКОРИТЕЛИ МОРЯ».

3. Ойстраху Давиду Федоровичу — за выдающиеся достижения в области музыкально-исполнительского искусства.

4. Свиридову Георгию Васильевичу — за «ПАТЕТИЧЕСКУЮ ОРАТОРИЮ» на слова В. Маяковского.

ГЛУБОКО символично, что в нашей стране высшая награда, присуждаемая за выдающиеся достижения в области науки и техники, литературы и искусства, носит имя основателя Коммунистической партии и Советского государства.

ИМЕНИ ЛЕНИНА

Великий зодчий коммунизма Владимир Ильич Ленин навсегда останется в памяти человечества как гениальный теоретик и практик, смело проложивший человечеству путь к счастливому будущему. На заре нового века, в дни первой русской революции, он привнес в жизнь новую культуру, расцвет подлинно свободной литературы, несущей народам идею социализма, последнее слово революционной мысли. Ленинские идеи партийности и народности легли в основание новой эстетики, эстетики социалистического реализма.

Под флагом ленинских идей развивалась и развивается литература социалистического реализма. Она была всегда с народом на всех важнейших этапах строительства коммунизма. И сегодня, когда весь советский народ отмечает девятидесятое со дня рождения Владимира Ильича Ленина проводит счет своих достижений и завоеваний, мы отмечаем и заслуги советской литературы и искусства перед народом, перед первым в мире государством рабочих и крестьян.

Обсуждение кандидатур, выдвинутых на Ленинскую премию, было поистине всенародным. Тысячи писем, адресованных Комитету по Ленинским премиям, редакциям газет и журналов, — наглядное свидетельство того, какую большую роль играет литература в жизни трудящихся нашей страны, как внимательно следят они за ее успехами. Советские писатели, деятели искусства в историческом творчестве народа заслужили высокое звание верных помощников Коммунистической партии. И с огромным удовлетворением встретили советские люди постановление о присуждении Ленинских премий в нынешнем, юбилейном ленинском году. Они с радостью увидели в этом списке лауреатов Ленинской премии имена известных всей стране и любимым народом художников.

И первым среди них надо назвать имя писателя с поистине мировой славой, чьи произведения давно стали гордостью социалистической культуры, — имя Михаила Александровича Шолохова. Выступая на митинге в станице Вешенской, Н. С. Хрущев говорил: «Все творчество Шолохова выражает интересы трудящихся, создающих материальные и духовные блага и ценности на земле. С огромным уважением и искренней любовью к человеку-труженику написаны его замечательные книги. Они направлены против тех, кто хочет помешать мирному созидательному труду и вернуть народы в пучину новых бедствий».

Вершен труд, длившийся три десятка лет. Имя Шолохова стало примером высочайшей требовательности, выскальности к себе, исключительной ответственности за художественное творчество. Выдающийся советский писатель, новатор социалистического искусства верен самым лучшим традициям классической русской литературы. Замечательные образы «Поднятой целины» стали духовными спутниками миллионов. На образе Давыдова и его товарищей воспитывалось одно поколение строителей нового мира. К этой книге обращались, ища ответы на жгучие вопросы жизни, значимости колхозного движения, эту книгу вели с собой в рюкзаках покорители целины, и сегодня она — верный друг молодых и старых, жителей города и деревни, почитателей таланта Шолохова в нашей стране и за ее пределами.

Имя Михаила Шолохова нельзя не вспомнить и тогда, когда речь идет о лучшем фильме минувшего года, увековеченном Ленинской премией, — о «Судьбе человека». Мировое признание получил этот фильм, где столь блистательно проявились дарование Сергея Бондарчука. Выдающийся актер современности (в этом фильме удачно дебютировавший в качестве режиссера) воплотил на экране образ негасимого русского человека, который через все муки и испытания войны пронес незапятнанным достоинством советского гражданина. Школой человечности, школой социалистического гуманизма можно назвать этот трагический, жизнедоуховляющий фильм. Великолепным материалом для творчества Сергея Бондарчука и оператора Владимира Монахова послужил замечательный рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека». И этот триумфальный успех советского кино еще раз подтвердил, что основой хорошего фильма является первоклассное литературное произведение.

Высокой награды удостоены выдающиеся советские поэты, представители братской литературы Украины и Таджикистана, — Максим Рыльский и Мирзо Турсун-заде. Их талантливые произведения заслужили признание всеобщего читателя, давно полюбивших ему и волею в сокращенную литературу социалистического реализма. Основанный Лениным союз социалистических наций дает замечательные плоды во всех сферах народного бытия, в том числе и в литературе. Она развивается как могучая многонациональная литература, выбирая все лучшее, что есть в национальном художественном творчестве.

Максим Фадеевич Рыльский — поэт и академик, художник высокой культуры, непревзойденный мастер стиха. Его зрелая и молодая поэзия, полная гражданского пафоса, философских раздумий, задушевной лирики, удивительно созвучна героическим дням периода развернутого строительства коммунизма, духовному миру нашего современника.

То страстная, публицистически взволнованная, то этически спокойная, широкая — такова поэзия Мирзо Турсун-заде, художника, который дорог читателям не только нашей страны. Среди жителей стран Азии и Африки немало поклонников его таланта. И это глубоко закономерно: в стихах Мирзо Турсун-заде слышится могучий голос Азии — и той, что уже давно и успешно идет по пути социализма, и той, что ныне пробуждается, сбрасывая цепи колониализма.

Вместе с писателями Ленинской премии удостоены и деятели искусства. Мы уже говорили о великодушном фильме «Судьба человека». В списке лауреатов Ленинской премии — большой мастер документальной кинематографии Роман Кармен, с чьим именем связаны многие памятные страницы советского кино. Обратившись к нашей героической современности, вдохновенному труду нефтяников Каспия, Р. Кармен и операторы Д. Мамедов и С. Медьский создали подлинный гимн человеку-борцу, покоряющему природу, строящему коммунизм. Успех фильма «Повесть о нефтяниках Каспия» и «Покорители моря» еще и еще раз показывает, какой неисчерпаемый источник вдохновения для художника таит в себе тема современности.

Выдающиеся успехи достигнуты и в области композиторского творчества и концертно-исполнительской деятельности. Свежее, яркое звучание, оригинальность замысла, щедрость красок радуют слушателей новыми произведениями композитора Георгия Свиридова. Его музыка вдохновляет высокими образами поэзии. Большая творческая победа композитора — посвященная В. И. Ленину замечательная «Патетическая оратория» на слова Владимира Маяковского. Виртуозное мастерство Давида Ойстраха по достоинству оценено во всех концертных залах мира. Он выступает как полпред советской музыкальной культуры, как блестящий представитель выдающейся школы исполнительского мастерства.

В этом году впервые присуждаются премии за выдающиеся работы в области журналистики и публицистики. Это выражение большого внимания Коммунистической партии и Советского правительства к самоотверженному труду тех литераторов, которые на переднем крае сражаются за мир и социализм, оперативно вносятся в жизнь, повседневно на газетной и журнальной полосах не щадя сил борются за коммунизм. Это их Н. С. Хрущев любимо назвал подругами партии. Высокой награды удостоен большой коллектив журналистов, создателей популярной книги «Лицом к лицу с Америкой»: А. Аджубей, Н. Грыбачев, Г. Жуков, Л. Ильичев, В. Лебедев, Е. Литовский, В. Матвеев, В. Орлов, П. Са-

Рисунок А. ШУЛЬЦА

Свиток годов

Немного бы свинцусились сроки (каких-нибудь три месяца), и я могла бы увидеть Ленина. Услышать голос, который теперь знаю только по звукозаписи, увидеть жесты, знакомые мне только по кинохронике, несовершенной, но драгоценной.

«Осенью 1912 г., когда мы были уже в Кракове...» — пишет в своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская.

В 1912 году они покинули Париж... А мне так хочется думать, что именно этой осенью, попав в Париж, я могла бы (лишь мимоходом) увидеть Владимира Ильича. Ведь мог же он, думается мне, взглянуть (хотя бы мимоходом) на одну из тех вечеринок, которые устраивали наши русские политические эмигранты и где я впервые встретила, например, Анатолия Васильевича Луначарского.

Имя Ленина я услышала впервые от своего, ныне покойного, двоюродного брата, большевика Леонида Рузера, бежавшего в 1910 году из сибирской ссылки во Францию.

Недавно в одном из последних революционных писем Владимира Ильича среди прочих имен я обнаружילה и фамилию «Рузер». И в тот же миг моя память развернула передо мной, в обратном порядке, длинный (ох, какой длинный!) свиток годов. Мне даже почувствовалось шуршание этого свитка, подобное шороху осенних листьев.

Я увидела себя в тесной, но очень светлой парижской квартирке Рузеров, на кухне, где происходили нешумные трапезы, или в «салоне» (он же спальня): над диваном, на полочке, были развешены там миниатюрные копии знаменитых химер собора Нотр-Дам. Жилище, очень близкое по типу (и по району) квартире на улице Мари-Роз, где недавно побывал Никита Сергеевич Хрущев.

Парижские комнаты Ленина, показанные нам на телеэкране, еще скромнее рузеровских. В них нет даже химер: Владимир Ильич не жаловал их ни в каком виде...

И снова развертывается свиток годов, на этот раз уже менее длинный.

В Москве, в тогдашнем Мамонтовском переулке, в зимние вечера я сижу у окна за письменным столом. В полукруглую форточку вливается морозный воздух, еще не насыщенный испарениями бензина. Познанивают трамвай по Тверской, доносится скрип извозничьих полозьев. И внезапно, все ближе и ближе, раздается голос быстро идущего или даже бегущего по переулку газетчика: скончался Владимир Ильич Ленин.

В те дни я написала свое стихотворение «Пять ночей и дней». И впоследствии я, как и мои товарищи поэты, не раз возвращалась к этой великой теме.

В Ленинграде, в темные и холодные дни блокады, даже невидимый за деревянным укрытием памятник Ленину у Финляндского вокзала, и тот становится новым источником мужества и стойкости. Об этом памятникке я писала:

Он мог бы даже показаться мрачным,
Но и сквозь деревянные щиты,
Как будто стало дерево прозрачным,
Мы видим дорогие нам черты.

Уже после войны, в вагоне дачного поезда, идущего в Разлив, я даже с лукавой какой-то откровенностью представляла себе Ленина в облике рабочего Ивана, едущего в том же направлении.

Я постаралась усадить в этот вагон пассажиров, наиболее характерных для того периода. Дать каждому из них только по одной, но тоже по наиболее характерной, реплике. Не знаю, в какой мере мне удалось стихотворение «Разлив», но мое намерение было показать «как бы всю страну в ее разрезе».

В основу стихотворения «Ленин и Время» легла гневная записка Владимира Ильича конструктору Кремля по поводу несправного лифта. Мне по счастью удалось почти дословно сохранить ленинский оборот речи:

До крайности обеспокоен,
Он мечет молнии и гром:
«Есть сердцем слабые, для коих
Опасен лестничный подъем».

Среди безмерных дел своих Он помнил о сердцах людских.

Как человек, как революционер, как государственный деятель, Ленин бесконечно богат чертами характера. Кроме внимательного, заботливого, необыкновенно сердечного, простого (об этом написано особенно много), есть еще Ленин беспощадный, грозный, когда этого требовали обстоятельства.

В недавно мною написанном стихотворении я попыталась показать и такого Ленина. Привожу это стихотворение полностью. Называется оно:

ПРЕДСОВНАРКА ЛЕНИН
Листок блокнота, каждая
бумажка,
Наимельчайшие червончики,
Записочка, где просьба есть
к Семашко,
Чтоб тот достал рабочему
очки, —

Стол, стул, скамья, садовая дорожка —
Нам дорого все, связанное с ним.
С детскими играет, гладит кошку —
На все это мы с нежностью глядим.

Но мы порою забываем слово: Проступки, в форме этой или той.
Он требовал (цитирую дословно) Карать «с демонстрационной быстротой».
Дрожали у винного колена. Все трепетал, как на ветру свеча:

Пред ним стоял Предсовнарком Ленин
Взамен сердечнейшего Ильича...

Пролоза, волокитчик, бюрократ Пусть и сейчас дрожать не перестанут.
Пусть чудится тому, кто виноват: А вдруг сквозь стены Мавзолея глянут
Всевидащие, грозные глаз. От коих скрывается куда-нибудь, незлыя.

Ленинская тема неисчерпаема. Еще долгая, бесконечно долгий свиток грядущих годов будет проходить под знаком великого имени.

Еще не одно поколение поэтов, прозаиков, скульпторов, живописцев, людей искусства и науки будет снова и снова возвращаться к образу того, чье девятидесятилетие со дня рождения с благодарностью, преданностью, с бесконечной любовью отмечает вся наша страна и каждый из нас, советских людей, в отдельности.

ЛЕНИН И МИР СЕГОДНЯ

ЖИЗНЕННОСТЬ, бессмертие ленинских идей подтверждает каждый день нашей страны. В бригадах коммунистического труда, в подвигах тружеников колхозной деревни, в расцвете советской культуры, в повседневных исплинских делах Коммунистической партии видим мы воплощение того, что начинал и к чему призвал Владимир Ильич. Для чужеземца для человека, идущего к пониманию ленинизма, мы всегда имеем совет, как ускорить это движение: изучать труды Ленина и одновременно смотреть, что произошло и происходит в Советской стране.

В этом сочетании идей, мыслей, теории и живой, убеждающей практики — секрет непобедимости коммунистического учения. В этом наша гордость и сила.

Внешняя политика — одна из тех сфер, в которых ярче всего проявляется величие и бессмертие ленинизма. Объясняя и обосновывая любой важный акт нашей дипломатии, мы всегда можем установить его связь с самыми первыми действиями молодой Советской республики, с теми заветами, которые давал нашей внешней политике Ленин.

Однако, с другой стороны, международные отношения — это та область человеческой жизни, в которой за короткий срок два с лишним года, отделяющих нас от Октябрьской революции, произошли наибольшие изменения. Неудивительно, что в последние годы, иными стали отношения между государствами и народами, по-новому ставятся и решаются сейчас многие коренные вопросы.

Владимир Ильич видел своим всепроникающим, пытливым взором это несмысленное ускорение шагов истории. В 1922 году он писал:

«Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерить на старые меры, на меры европейских филлистеров... которые привыкли считать «естественными», чтобы сотни миллионов людей (свыше миллиарда, если быть точным) в колониях, в полузависимых и совсем бедных странах соглашались терпеть обращение с ними, как с индусами или китайцами, терпеть несчастья, эксплуатацию, и прямой грабеж, и голод, и насилие, и извращательские условия того, чтобы «цивилизованные» люди могли «свободно», «демократически», «парламентски» решать вопрос, мирно ли поделить добычу или перебить десятки друг друга миллионы... для раздела империалистской добычи — вчера между Германией и Англией, завтра между Японией и Америкой (с тем или иным участием Франции и Англии)».

С тех пор быстрота развития общества не уменьшилась, она возросла. Десятки народов и, по меньшей мере, миллиарды людей не только опровергли взгляды буржуазных дипломатов на права и возможности стран, когда-то представлявших собой лишь объекты эксплуатации, но и зажили новой жизнью. Появились на свет, расцвели и оказывают все растущее влияние на международные отношения мировой системы социализма. На месте многих колоний родились новые государства. Силы империализма утратили свое бывшее влияние на судьбы человечества.

Естественно, — так и должно быть, — что применение ленинских принципов во внешней политике Советского государства по-прежнему требует и ленинского проникновения в жизнь, в сегодняшнюю действительность. Принципы неизменны, но изменяется обстановка.

Не то иной, как В. И. Ленин, впервые выдвинул и разработал принципы мирного сосуществования государств разных социальных систем, ставший основным, важнейшим принципом всей нашей внешней политики вчера, сегодня, завтра. Мы не устанем спорить с «хитроумными» западными дипломатами, пытающимися утверждать, что это лишь «временный», недавно предложенный Советским Союзом, продиктованный «конъюнктурными» соображениями тезис.

Именно Ленин, величайший и послед-

овательный борец за мир между народами, уже в одном из самых первых декретов Советской власти призвал к установлению подлинного, демократического, **надежного мира**. И мы с гневом и с фактами в руках докажем любому буржуазному клеветнику, что на всем протяжении нашей советской истории мы стояли за мир, боролись за него, делали все необходимое, чтобы его сохранить.

Ленинскими, идущими от Ленина мы называем столь же неизменные взгляды Советского Союза на **равноправие наций** больших и малых, на неизбежность **крушения позорной колониальной системы**, на необходимость **отказа от вмешательства** во внутренние дела каких бы то ни было стран.

Н. С. Хрущев наглядно и убедительно показал **премущественность** и последовательность советской внешней политики, выступая на сессии в столице Афганистана, Кабуле. Он процитировал документ, составленный при непосредственном участии Ленина еще в 1921 году, — инструкцию Народного комиссариата иностранных дел РСФСР перед РКСФСР в Афганистане. В этой инструкции, в частности, говорилось:

«...Мы говорим афганскому правительству: у нас один строй, у вас — другой; у нас один идеал, у вас — другие; нас, однако, связывает общность стремлений к полной самостоятельности, независимости и самодетельности наших народов. Мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, мы не вторгаемся в самодетельность вашего народа; мы оказываем содействие всякому явлению, которое играет прогрессивную роль в развитии вашего народа. Мы ни на минуту не думаем навязывать вашему народу такой программы, которая ему чужда».

«Положения, изложенные в этой инструкции, — сказал Н. С. Хрущев, — и сейчас остаются основой политики Советского правительства в отношении Афганистана».

Этот пример блестящей и яркой демонстрации **неизменности** принципа мирного сосуществования всех государств не снимает вопроса о грандиозных, коренных **изменениях** условий, в которых осуществляется наша внешняя политика. Ее ленинский характер проявляется, — прежде всего и в особенности, — в умении нашей партии и правительства, их представителей **ленински** применять принципы к меняющейся действительности.

В какой бы район земного шара ни пришел с дружеским визитом глава нашего правительства, с канинами бы дипломатами ни беседовал он здесь, в Москве, — всегда перед ним новый, изменившийся с ленинских времен мир. С государственным деятелем США, с американским народом в 1959 году Н. С. Хрущев разговаривал как последнего огромного, могучего социалистического общества, которое лишь зарождалось в те годы, когда Ленин советовал американским журналистам и американским промышленникам завязать деловые отношения с молодой Советской республикой. Глава Советского правительства посетил в начале 1960 года такие новые и идущие вперед государства Юго-Восточной Азии, как Индия, Бирма, Индонезия, которые ныне играют все более важную роль в международной политике. Франция, где он был в марте, — уже не та Франция, которая участвовала в антисоветской интервенции 1918—1920 гг., у нее уже не те соседи в Западной Европе и за Атлантическим океаном, какие были тогда. Иные проблемы стоят ныне и перед Америкой, и перед Францией, и перед Германией, и перед огромным морем государств, завоевавших в борьбе с буржуазией, вдохновенной нашей Октябрьской, — свою государственную независимость, свое право пользоваться солнцем свободы.

В Дижоне Н. С. Хрущев говорил: «...Мы желаем счастья для себя, мы хотим, чтобы все люди хорошо жили, чтобы они имели равные возможности, обеспеченные условия жизни. Мы

не хотим, чтобы одни жили в роскоши, а другие в нищете. Вы можете с нами не соглашаться, но вы не сможете отрицать, что у нас благородные побуждения. Мы хотим только лучшего для народа и все делаем, чтобы достичь у себя в стране этого. А если что-либо из нашего опыта пойдет, подойдет для вас, пожалуйста, замшуйте это лучше у нас. Нет — тогда делайте так, как вы хотите. Это — ваше внутреннее дело».

Идея мирного сосуществования доведена в наше время до сознания народов всех стран — доведена конкретно, ясно, в соответствии с тем, что понятно и американскому, и европейским, и азиатским народам.

Не случайно проявляют сейчас беспочвенно те деятели Запада, которым эта ленинская идея претит, кажется «опасной», разрушающей все основы империалистической политики. Выступая 14 апреля в Уэст-Салфер-Спрингс (штат Вирджиния) известный дипломат и бывший губернатор штата Нью-Йорк А. Гарриман с нескрываемой тревогой заявил, что «предложения Хрущева о мирном соревновании получили всемирную народную поддержку».

«Коммунистическая пропаганда», — сказал он, — оказала свое влияние, а Хрущев — самый деятельный и самый неистовый пропагандист мира».

Это — вынужденное и неполное признание. «...буржуазная дипломатия не способна понять присвоения нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений», — говорил В. И. Ленин. Господин Гарриман не сказал главного: успех «пропаганды» мира, популярности идеи мирного сосуществования проистекают не от «умения» пропагандировать. Их источник в том, что советская политика, советская дипломатия действуют на основе глубокого, научного, марксистского понимания меняющейся действительности, по-ленински **применя** бессмертные ленинские идеи.

Да, борьба за мир всегда конкретна. Она будет бесплодной, если руководствуется лишь пацифистской любовью к миру, ненавистью к войне. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 18 сентября прошлого года, Н. С. Хрущев не только показал недопустимость, преступность, гибельность новой войны в наше время, бессмысленность гоним вооружений, — он именов Советского государства, предельно и реально, достигший путь к миру путем всеобщего, полного, контролируемого разоружения. Самый «главный», самый «неотразимый» аргумент противников разоружения — мнимую «невозможность» международного контроля — глава нашего правительства разбил, подчеркнув, что и эта «проблема из проблем» современной буржуазной дипломатии вполне разрешима именно в условиях разоружения всеобщего и полного. Ни одно государство не будет в этих условиях возражать против наводнения его территории любым количеством «контролеров», которые, в иной обстановке, не чем иным, как военными шпионами, быть не могут. Трудновато сейчас западным державам «стоять насмерть» в своей незаданной позиции: сначала всеобъемлющий контроль... над вооружениями, а потом можно, подумать и о разоружении.

Борьба за мирное сосуществование двух социальных систем Советский Союз ведет сейчас в обстановке нарастающих сил системы социализма. Когда-то, в годы, последовавшие за разорительной гражданской войной и иностранной интервенцией, капиталистические заповеди могли отмахиваться от этой проблемы. Советский Союз «беден и слаб», говорили они, он нуждается в нас, а мы в нем не нуждаемся; действительность, живые экономические отношения, являясь глубокой кризисом заставили и тогда капиталистов искать на путь нормализации торговли с Советским Союзом. Теперь социалистический лагерь не только обладает всем необходимым для своего стремительного развития и строительства, но ока-

зывает все возрастающую материальную помощь так называемым «слаборазвитым» странам. И завышенные меры испуг некоторых государств Запада, которые, как сообщает буржуазная печать, «воздержались» от проекта некоторых своих событий — предложение СССР создать совместный план помощи таким странам. Комментируя состоявшееся на днях в Вашингтоне совещание министров иностранных дел США, Англии и Франции, агентство Ассошиэтед Пресс сообщает, что это предложение не встретило поддержки, но в случае его принятия «Россия получила бы экономический плацдарм» в ряде новых районов. А французская «Орор» называет вопрос о помощи слаборазвитым странам новым «морским эмзем» международных совещаний...

В международной жизни возникли явления, которых не было и не могло еще быть при жизни Ленина. Это прежде всего совершенно новые, невиданные в истории отношения между социалистическими государствами, — отношения подлинного равноправия, искренней дружбы и взаимной помощи. Советский Союз и другие страны социализма по-ленински разработали их и осуществляют на практике. Внешняя политика всех стран социалистического лагеря следует стремлению Ленина создать «...совершенно новые международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народам избавиться от империалистического гнета».

Немало уже одержала успехов наша последовательная, принципиальная ленинская внешняя политика. Мы знаем, мы верим, что и в дальнейшем ее ждут победы. Н. С. Хрущев говорил по возвращении из Франции:

«Нельзя допустить, чтобы заговорили люди, надо, чтобы в мире торжественно воздал голос разуму. Ради этого Советское правительство, советский народ не пожалеет никаких усилий. У нас хватит сил, терпения, настойчивости, и мы докажем всем людям этого мира, что мир и счастье могут и должны торжествовать в наш век».

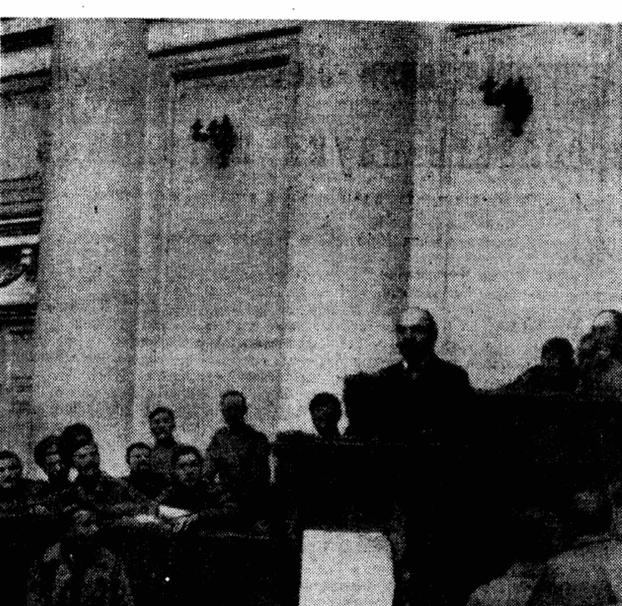
Это и будет осуществлением того, о чем думал и мечтал наш Ленин, Генерал, которому отдал весь свой день, ум, жизнь, — в надежных руках.

В начале апреля я прочитал в венской газете «Арbeiterzeitung», что правая печать начала кампанию против моего приглашения, ссылаясь на то, что я будто бы во время войны «призывал красноармейцев к изнасилованиям немецких женщин и убийствам детей». Газета сообщила, что вице-губернатор Мандлю, ответственный за организацию «Европейских бесед», заявил, что он запросит меня, правильно ли это утверждение, и ставит вопрос о моем приглашении в зависимости от моего ответа.

Действительно, недавно я получил такого рода письмо от г. Мандлю с приложением цитаты из книги Вальтера Герлица, профессора Фрейбургского университета и ставидного защитника гитлеровцев, изданной в Штутгарте под названием «История мировой войны».

Вальтер Герлиц утверждает, что в январе 1945 года в Красной Армии распространился в миллионах экземпляров мой кризис, в котором, как он пишет, «буквально» значилось: «Сломите насильем высокомерие германских женщин, возьмите их, как законную добычу!»

Мне не удавалось, что профессор Фрейбургского университета опирается на гитлеровские источники, — к сожалению, такого рода явления становятся все

В. И. Ленин выступает в Таврическом дворце с оглашением Апрельских тезисов. Петроград, 4 апреля 1917 г.

ЛЕНИН

Ленгин проходит по всей земле.
Ему не преграда — границы,
Не останавливает его ни штаны,
Ни концлагери, ни темницы.

Ленгин проходит по всей земле.
Черный, белый и желтый с ним.

Язык не препятствие —
Каждый язык стал для него родным.

Ленгин проходит по всей земле.
Солнечный диск врезает
Небо закатом. Утром —
Красной звездой сияет.

Перевел с английского В. Большаков

НАЗЫМ ХИКМЕТ ВМЕСТЕ С ЛЕНИНЫМ

В жизнь нырнуть,
точно в летний солнечный свет,
зачем явился,
зачем живу,
на все получить ответ,
оставаться всегда молодым,
как наступающий день,
оставаться всегда молодым...

Вот земля зеленая,
знамя алое,
голубь белый.

Быть с Лениным
вместе
с одной стройки,
из одного окопа,
из одной реки,
из одной страны...

Перевела с турецкого М. Павлова

Ответ господину Мандлю

Илья ЭРЕНБУРГ

Утверждение Вальтера Герлица не ново: он повторяет слова Гитлера и Геббельса, пытавшихся побороть народ измученных заставить население Германии и ожесточить фашистских солдат. Господин Мандлю вот бы поручить одному из сотрудников муниципалитета просмотреть комплексы газет «Правда» и «Красная звезда», где печатались в годы войны мои статьи, и убедиться, что, призывая к уничтожению захватчиков, я неоднократно писал, что Красная Армия не унижится до расправ с мирным населением Германии. Он мог бы убедиться, насколько мои статьи, да и статьи всех советских журналистов, далеки от саллицидных басен гитлеровского происхождения.

Мне не удавалось, что профессор Фрейбургского университета опирается на гитлеровские источники, — к сожалению, такого рода явления становятся все

более и более распространенными в Западной Германии.

Меня гораздо более удивляет и огорчает, что вице-губернатор столицы нейтральной Австрии, бывшей одною из жертв германского фашизма, способен в своем запросе ко мне ссылаться на процитированный выше текст, который представляет собой клевету на командование Советской Армии.

Меня удивляет, что организатор «Европейских бесед», пригласивший меня в Вену как «видного представителя советской культуры», так быстро капитулировал перед неонацистскими элементами и позволил себе запросить меня, писал ли я меркантилистские призывы.

Мне кажется, что господин Мандлю, прежде чем приглашать в Вену представителей советской культуры, должен понять, что культурное сотрудничество поκειται на уважении к другим странам и что, прежде чем организовывать беседы о роли искусства, ему следовало бы научиться уважать деятелей искусства.

Мне не удавалось, что профессор Фрейбургского университета опирается на гитлеровские источники, — к сожалению, такого рода явления становятся все

дей равными. Но разве один брат этого хотел? Он прочитал вытннутый билет — борьба плетется с патрицианской, реформация, Богдан Хмельницкий, — хотел не один брат, вся история мира полна борьбы. Но не в одиночку, не так, не таким путем, — Владимир Ульянов стал отвечать по билету. Он говорил своим полудетским картавым голосом, звонко, ясно, глубоко, спокойной, учитель, бессознательно чертнвший что-то в бумагах, кивал и кивал головой, экзаменаторы переглянулись — ученик отвечает так блестяще, что придраться не к чему. Постаревший и отяжелевший директор гимназии Керенский, сын которого, будущий Александр Федорович, готовился сейчас с домашним репетитором в первый класс той же гимназии, — мысленно ловил кивнул Ульянову: медаль и рюкзачок, — а делая что-то, золотую медаль придется присудить, нельзя не присудить, Ульянову наголову выше класса.

О чем думал в эту минуту юноша Ленин? Перед его глазами уже успели пройти две большие жизни, две символические жизни, характерные для русского общества. Путем мирной культурной работы, отдачи всего себя просвещению народа шел любимый отец, инкогда не помышлявший о революции. И он еще при жизни увидел свои идеалы попарными, созданные усилиями многих лет школы закрытыми, опускающими мглу над слабым светом, загнивающим в наших деревнях. Путь отца привел к тупику.

Путем террора, путем борьбы один на один с царизмом пошел его любимый брат, и этот путь привел его к бесплодной гибели.

Нет, не этими путями можно добиться человеческой жизни для народа!

Нинто! ни в семье, ни среди товарищей не видел и не оставил свидетельства о том — плакал или нет, Володя Ульянов о брате, которого самозабвенно любил с детства... Но страшная сила выдержки, с какой он стал выпускные экзамены, невольно приходил в голову, когда читалась сухая, полднейский отчет, — том как прорвался эта выдержка Ильича на казанский склоне, и о том, как он мчался в институт Ленин по университетским коридорам, красной линией, размахивая руками и беснуясь криком. Гений революции ослепляюще коснулся его, как только студент Владимир Ульянов почувствовал себя в закипяченной огнем, взволнованной человеческой массе.

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

чтоб успеть объяснить урок тем, кто его не приготовил, как-то ухитрился проливать «свет разума» на любой греческий сумбур. Судя по тем замечаниям, какие он делал мной раз, объясняя урок товарищам, Ильич подметил в древнем греке уже и тогда отличительную его особенность, ту, что и сейчас, при внимательном чтении хрестоматии, бросается в глаза: какой, в сущности, крепкий член общества, член своего времени и среды, какой политик был этот древний грек при всей его «мифологичности», и до чего пороки и достоинства его были общечеловеческими пороками и достоинствами, а не только личными, — а высшей похвалы удостоивался он лишь тогда, когда делал что-либо для общего блага. Еще сильнее было это свойство в римлянах. Как-то, делая урок перед товарищами плавную речь Цицерона против Катилины, Володя Ульянов воскликнул: «Вот здорово!» Что представил он себе, воскликнув? Заседание сената, вокруг мужик, стоит преступник Катилина, всегда затевавший на свой страх и риск разные сомнительные против общего блага авантюры, стоит и слушает, как Цицерон медленно громит его с трибуны всеми фигурами риторики. Сила точного слова, острое, разящее, как пуля, не оставляющее выхода противнику, искусство словесного боя, древняя полемика прирожденных политиков, латиня, — пленяла Ильича настолько, что он никогда не скучал над уроками древних языков, и сестра Анна вспоминает, как по-возрослому, интересно и увлекательно преподавал он ей латынь, будучи мальчиком, и в аттестате его напечатано, что именно в латыни и греческом он достиг наибольших успехов. Смерть отца была первым большим горем Володи Ульянова. Отец любил его успехи, гордился ими, и он еще с детства привык проходить из передней мимо кабинета отца, возвращаясь из гимназии и на ходу весело рапортовать ему красными от мороза губами: из латыни пять, из алгебры пять... И нет отца. Но перед юной все жизнью, полнота бытия захватывает его, рыжеватый пух вылезает на подбородок, он не умеет соразмерить голос, — говорит громче, чем раньше. Пухик каблуком сильнее, чем раньше, вылезает у него до колик, по выпору из детской, из нтр с малышами, а малыши еще тянут его к себе за пояс, и Володя грубит, огрызается, — дома все чаще и ча-

ще слышно: «Володя, не груби, тише, Володя». Значит ли это, что Володя меньше других страдал в этот год? Брат Саши, приехавший к нему, на вопрос Анны, как тебе нравятся наш Володя, ответил уклончиво и неодобрительно, сделал Володе замечание за нечуткое отношение к матери, но брат Саши не был попушен в это время своим личным внутренним миром и мог проглядеть душу мальчика, проглядеть, что творилось в его младшем брате. Подросток мужал, чувствовал свою силу. Он начинал переносить вешей. Именно в эту пору Ильич перестал верить в бога, а Надежда Константиновна рассказывает со слов Ильича о том, как, перестав верить, он однажды сорвал с себя шейный крестик.

Последний, восьмой класс гимназии, или, как пишут в школьных ведомостях, учебный год 1886—1887, принес Володе Ульянову вторую душевную удар. К самой весне, когда нужно было сдавать экзамены, пришлось известие об аресте Александра Ильича. После смерти Ильича Николаевича положение семьи Ульяновых в городе изменилось. Стало, во-первых, труднее жить, — пенсия это не жалованье; и дети вдовы это не дети крупного в городе достоянного лица. И, во-вторых, — жить стало ответственной. Старшие уже наполюину устроены, но Владимир еще только выплывал, а за ним Ольга и двое младших. Приходилось, окаянная, думать не только о себе и своем будущем. Пришел спешный вызовный лист симбирский февраль, уже началась первая лихорадка перед экзаменом, понеслись изданные книги и учебников, запись в местной Караганской библиотеке на ходкую книгу. Семья Ульяновых имела в библиотеке многолетние 3 абонементы на имя отца с залогом в 15 рублей, который, кстати сказать, так и не был никем взят в спешке переезда из Симбирска в Казань. Володя Ульянов много читал в эту зиму, имел и урок. Он был готов хотя бы сейчас держать экзамен. Его сестра Ольга тоже шла первой ученицей. Но известие об аресте брата тяжело обрушилось на брата и сестру. Мария Александровна тотчас уложила и уехала в Петербург. Няня Варвара Григорьевна, дорожной старухи, сильно привязанной к семье и особенно к первому своему питомцу, Володе, которого она и до юнкеских лет не переставала нежно кликать «ах ты, алмазный мой», в доме не было — она гостила у себя на родине в Пензенской губернии. Дети, оставшись одни, почувствовали себя как-то взрослее и тише. Нужно было держаться, держаться изо всех сил, и виду не подавая перед малышами, что в семье пришла новая беда, по словосиде пришла беда, отворил ворота, Дом Ульяновых на Московскую, восточную сторону, раньше так сильно завидовали, все время завидовали — и уменья Митин Александровны вестн хозяйство, и воспитание детей, и успехам их в учении, и тому, что в доме нет ничего показного и никаких неполадок и не о чем пошумушать, да посплетничать.

— этот особенный дом знакомые стали обходить. Ольга, гордая девушка с открытым, привлекательным лицом, глубокими черными глазами, похожими на глаза старшего брата, ходила на экзамены как ни в чем не бывало, в самом нарядном своем фартуке. А на город шла весна, а в город с весной дохлила ужасные вести из Петербурга. Положение арестованного брата Саши было очень тяжелое. Он обвинялся в покушении на цареубийство. Он обвинялся в покушении, что это такое, у всех семье даже дети знали, что это такое, у всех в памяти было лето 1881 года и казнь перстомартовцев. Но Саши казалась таким близким, молодым, полным жизни, в его комнате наверху в антресолях, рядом с Володиной, еще сохранились, будто полные теплоты от прикосновения пальцев его, аккуратные стеклянные пробирки; чистое полотенце, ожидая хозяйина, висело на крючке, полка с книгами еще перебарывалась, и Володя вынимал Сашину «Дропера». В столовой хлеб подавался на деревянной, вырезанной Сашей в подарок матери, красивой подставке со словом «Вот» (хлеб) посредине, — было чудовищно представить брата под арестом. Владимир Ильич знал, что для Саши «дело может окончиться очень серьезно». Маняша плакала по ночам, просясь, и звала «маму». Но нервы надо было держать в кулаке. Надо было идти по улице гордо, отвечать на вопросы спокойно, пренебрегать намеками и уколами, — и Ольга с Владимиром словно условились, словно вся честь их семьи в том и была, — оба поражали своих однокурсников удивительной выдержкой и спокойствием. Экзамены проходили прекрасно. Шел в город запах лихорадки, и тогда, в этот день, Володя Ульянов, сирень в караганском сквере. Как и все эти годы, Володя Ульянов, серьезный и чуть принахмуренный, с пухлыми большими детскими губами, рыжеватый и головастый, шел по Московской в гимназию, миновал ланачу и только по-новому взглянул на решетчатое окно участка с бледными свозь решетки лицами арестованных: мимо немецкой кирки, каретного заведеня купца Штернера, мимо дома одного, другого, третьего товарища. В нежном майском воздухе, полном весеннего благоухания, звонко пробили над городом восемь ударов знаменитые симбирские часы, подаренные Симбирскому старым графом Орловым-Давыдовым. Как раз в это время Володя Ульянов проходил мимо дома графов Толстых, и Петья Толстой, одноклассник, обычно присоединялся к нему, если шел в гимназию пешком. Но сейчас он не показався, а другой одноклассник, увидя Ульянова, быстро обоогнул монастырскую стену, и только уши у него вспыхнули под гимназической фуражкой.

В актовом зале гимназии был сегодня очень трудный экзамен — история. Учитель истории был придира и составил билеты завывристы. Много его попытался — Карл IV например, — никак не решались по Иловайскому. А нужно было ответить, что говорил учитель

или искать самому в словарях да пособиях. Многие страх как хотелось заранее все расписать у Володи Ульянова, который всегда и все знает, но на этот раз даже расспрашивать его не стали. Только опать он почувствовал на себе прилипчивые, настойчивые, ошутные, как ползуеце насекомое, длинные, косые взгляды. А Володя Ульянов пришел, развзвал ремешок от книг и свернул его вокруг пальца, как делал всегда. Сел, как всегда. Правда, Ульянов был очень бледен. В городе узнали, что брат его, Александр, повешен. Узнали также о том, что пришел об этом письме другу детства, учителю, учительнице Кашадамовой, и Володя уже все знает. Кто-то даже слышал про слова, сказанные Володей, когда он прочел известие: «нет, не таким путем надо идти». Куда идти? Каким таким путем? В маленьких городах всегда все знают о других людях. Пока Володя чувствовал на себе взгляды товарищей, в другой, женской гимназии, на экзамене французского языка, бледная, как смерть, Ольга чеканным, твердым голосом отвечала на вопросы. Но девочки ждали и любовитней, а добрее мальчиков, и подруги уже недавно веселой, остроумной, обожаемой в классе Ольги сейчас сейчас тихонько пожать руку этой холодной и бледной, точно выросшей наголову девочке, ставшей вдруг, словно чужая в классе.

Перед Ульяновым подошел к экзаменационному столу Толстой. Его пальцы вытннули билет не без дрожи. Ответ был посредственный, запинающийся, на трюнку. Вслед за Толстым к столу подошел Владимир Ульянов. Мне уже много раз приходилось рассказывать, какой замечательный билет «вытннул на экзамене Ильич. По странному капризу судьбы законный историк составил один такой билет, где, словно с умыслом, по всей мировой истории проходила и классовая борьба. Первый вопрос в билете — об успешных на гору римских патрициан, борющихся за свои права с гордыми римскими патрициан. И Карл IV, изводивший ужас на весь класс, тоже оказался в этом билете. Ульянов знал, что он держит не просто экзамен. Он держал перед этим синклитом сосредоточенных и насупленных лиц, перед любопытными-испуганными глазами своих товарищей, перед всем старым и сонным дворничским городом Симбирском экзамен на право дальнейшей своей жизни, на право образования, поступления в университет. Он был, как пролетарий, один на горе, над Римом.

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛЮХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.